

вать не только волю Александра, но и свои собственные интересы, которые не всегда полностью совпадали с интересами царя.

Надо указать, что книга написана весьма многословно, к одной и той же мысли Х.Б. Блеквелл обращается буквально десятки раз в разных ее частях. Иногда автор в стремлении подкрепить свою позицию «находит» в источнике информацию, которой там в действительности нет. Например, говоря о том, что Антипатр не обращался в период войны с Агисом к греческим союзникам за помощью, ссылаясь на статьи Коринфского договора, Х.Б. Блеквелл несколько лукавит. Сообщения источников настолько кратки, что на основании их можно сделать как этот, так и прямо противоположный вывод⁶. Отмечая отсутствие помощи Антипатру со стороны Александра в это время, он также несколько сгущает краски. Во всяком случае, деньги, отправленные царем Антипатру, современный исследователь называет «фантастической суммой»⁷.

Однако наибольший недостаток работы, как кажется, заключается в том, что ее автор постоянно ищет «институциональные» составляющие в позициях отдельных лиц⁸. Так он «обрабатывает» и с Антипатром, и с Олимпиадой. Поражает несколько наивная уверенность в том, что если бы функции, например, Антипатра в его взаимоотношениях с греками (в рамках Коринфского договора) были бы четко определены, то события развивались бы по-другому.

Х.Б. Блеквелл не принимает в расчет, что только в конце жизни Филиппа Эллада оказалась под македонским контролем и, соответственно, для выработки настоящей системы взаимоотношений между полисами и македонской монархией просто не было времени. В общем, говоря совсем упрощенно, в течение всей эллинистической эпохи не было найдено адекватного решения данной проблемы. Даже в конце этой эпохи возникающие коллизии, в сущности, решались с позиции силы. Созданные формы взаимодействия работали лишь при сохранении того или иного баланса сил. Как только этот баланс менялся, все правовые нормы, которые, казалось бы, успешно функционировали десятилетия, тут же отбрасывались. Так что думать о том, что Антипатр и греки действовали бы по-другому, если бы функции его были четко определены Александром или, что еще лучше, самим Коринфским договором, по меньшей мере наивно.

Л. П. Маринович

© 2003 г.

A.R. BIRLEY. Hadrian: the restless emperor. London – New York: Routledge, 1999. XVIII + 399 p., maps, ils.

«Адриан давно нуждался в новой биографии». Такими словами начинает свою очередную книгу известный британский антиковед, ныне профессор древней истории университета Генриха Гейне в Дюссельдорфе, Энтони Берли.

Действительно, последняя монографическая работа, посвященная собственно римскому императору Адриану (годы жизни 76–138, правления 117–138), вышла из-под пера Б. Гендерсона еще в 1923 г.¹ и, по довольно суровой оценке Берли, отставала от времени уже в момент выхода в свет. Ей были присущи легковесное модернизаторство, менторский тон и явное предубеждение к германской («тевтонской») историографии, вследствие чего наиболее фундаментальная, на взгляд Берли, хотя и неудобочитаемая работа В. Вебера², была Гендерсоном попросту проигнорирована.

Впрочем, актуальность новой книги об Адриане объясняется и иными, уже объективными обстоятельствами, на которые также указывает автор. За истекшие три четверти века значительно расширился круг источников прежде всего документального характера: папирусных,

⁶ *Маринович Л.П.* Спарта времени Агиса III // *Античная Греция. Т. 2. Кризис полиса. М., 1983. С. 259–279.*

⁷ *Badian E.* Agis III // *Hermes. 1967. 95. P. 188.*

⁸ Поразительно, что автор при этом обвиняет Н. Хэммонда в преувеличении значения «институционального» принципа. В первую очередь имеется в виду следующая работа: *Hammond N.G.L.* *The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxf., 1989.*

¹ *Henderson B.W.* *The Life and Principate of the Emperor Hadrian. L., 1923.*

² *Weber W.* *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus. Lpz, 1907.*

эпиграфических, нумизматических. Опубликованы десятки статей и монографий о различных аспектах деятельности императора: его монетной политике, строительных программах, строительстве Адрианова вала в Британии, о фаворите Антиное, феномене «греческого возрождения» II в., восстании Бар-Кохбы 132–135 гг. и т.д. Много внимания уделялось источниковедческим вопросам литературного памятника, содержащего единственное дошедшее до нас жизнеописание Адриана – *Historia Augusta* (v. Nadr.). Накопленный материал требовал синтеза и он появился. Появился и сразу оказался востребованным. Во всяком случае, книга, вышедшая в 1997 г., трижды допечатывалась в 1998 г., а я пользуюсь уже изданием 1999 г.

Нарративная история переживает сейчас не лучшие времена. Методологические поиски ученых школы «Анналов», культурологического, социологического направлений, сегодняшних приверженцев постмодернистского подхода заметно сузили сферу ее приложения. Но в жанре исторической биографии трудно подыскать замену нарративу, свидетельством чему является книга Э. Берли. В ней автор посчитал нужным отказаться от выделения отдельных глав по финансовой, военной, религиозной, правовой, административной политике Адриана и ограничился целью дать связную его биографию. Автор вполне осознает трудности воссоздания духовного мира такой противоречивой личности, как император Адриан, в котором уживалось несколько разных людей. Но по крайней мере, и в этом Берли прав, у историка есть твердая опора в документально запечатленных поступках императора. «Адриан для нас по крайней мере должен быть тем, что он делал» (с. XIV)³. Таким образом, читателю предлагается преимущественно внешний взгляд на Адриана, что ни в коей мере не облегчает задачу исследователя, поскольку даже выявление событийных фактов, их расположение в хронологической последовательности составляют трудную проблему, при решении которой Берли часто приходится прибегать к оговоркам «возможно», «с достаточной вероятностью», «предположительно» и т.д. Каждый, кто работал с подобным материалом, поймет всю сложность задачи и не осудит автора за излишнюю осторожность. Методологическая строгость, судя по некоторым репликам Берли, является дополнительным аргументом в его споре с писателями, соперниками историков в искусстве оживлять фигуры людей прошлого для людей сегодняшних. Речь в первую очередь идет о прекрасном романе Маргерит Юрсенар (1951 г.)⁴, чей образ Адриана, хотя и весьма отличный от реального прототипа, известен широкой публике несравненно лучше, нежели тот, что предстает со страниц узкоспециальных работ цеховых ученых.

Структура книги подчинена поставленной задаче. После предисловия и кратких пояснительных замечаний идет собственно исследование, состоящее из введения, 21 главы, поэтапно прослеживающих жизнь героя книги, и эпилога. Сопоставляя разнородные источники, автор стремится со всей возможной полнотой восстановить биографию Адриана в контексте исторических событий и социальных отношений той эпохи. Много внимания уделено его родне и близким, друзьям и врагам, всем тем, с кем встречался или мог встречаться Адриан, его политическим и личным связям и т.д. Как сквозные проходят темы грекофильства, внутренней (в особенности – провинциальной) политики, апелляция к прошлому, строительная деятельность. Текст сопровождают хорошо подобранные черно-белые иллюстрации, карты, стемма родословной Адриана, завершают книгу список литературы и индексы – персональный, географический, религиозный, смешанный (*miscellaneous*). Структура логична, даже ожидаема, ее принципы опробованы автором на предыдущих биографиях императоров Марка Аврелия и Септимия Севера⁵.

В «Предисловии» автор делает небольшое лирическое отступление, объясняющее выбор темы. Будущий историк родился и вырос в Шотландии, недалеко от Адрианова вала, и интерес к периоду 117–284 г. у него возник еще во время обучения в Оксфорде, а также в ходе работы над докторской диссертацией, посвященной *Historia Augusta* (далее – *HA*). Своими непосредственными учителями Э. Берли считает двух выдающихся антиковедов – сэра Рональда Сайма (1903–1989) и своего отца Эрика Берли (1906–1995). Думаю, что настоящая монография демонстрирует несомненную преемственность с творчеством этих ученых прежде всего в методе просопографического исследования, хотя сам автор склонен считать, что Р. Сайм не одобрил бы обращения к жанру императорской биографии.

³ For us, at least, *Nadrian* has to be what *Nadrian* did.

⁴ Русский перевод: *Юрсенар М.* Воспоминания Адриана. Роман / Пер. с франц. М. Ваксмаера. Предисл. Ю. Давыдова. Коммент. Г. Кнабе. М.: Радуга, 1988.

⁵ *Birley A.* *Marcus Aurelius: A Biography.* Revised ed. L., 1987 (1st ed. – 1966); *idem.* *The African Emperor Septimius Severus.* 2-nd. rev. ed. L., 1988 (1st ed. – 1971).

Во вводной главе «Введение: император Адриан» Э. Берли излагает свое видение темы. Адриана некоторые историки считают «самым замечательным из всех римских императоров» (хотя, признаемся, на это место можно найти с десяток других кандидатов). Важнейшей чертой, отличавшей Адриана от всех других носителей высшей власти, Берли считает его немую энергию в сочетании с ненасытной любознательностью. Берли кратко характеризует те стороны жизни Адриана, которые вызывают повышенный интерес: проблема его усыновления Траяном; длительные разъезды по провинциям, сместившие акцент внутренней политики со столицы на периферию; радикальный отказ от политики завоеваний Траяна; создание системы искусственных границ, отделяющих Рим от «варваров»; вопросы сохранения стабильности в государстве и отношение к оппозиции; провинциальная политика в восточных землях и «филэллинизм»; личная жизнь, в особенности – отношения с Антиноем; Иудейская война (132–135 гг.); проблема передачи власти в конце правления. В том же «Введении» дается краткая характеристика источников и основной литературы вопроса. Первым биографом Адриана был он сам, его сочинениями, ныне утерянными, пользовались два автора начала III в.: Марий Максим в «Жизнеописаниях цезарей» и Кассий Дион в 69-й книге «Римской истории». Эта нарративная традиция, дошедшая до нас опосредованно (Максим – через неизвестного автора НА, Дион – в эпитахах византийского времени), и составляет основу наших знаний об Адриане; к ней присоединяются многочисленные отрывочные свидетельства эпохи Адриана и близкой к ней. Помимо нарративных, имеется значительный массив источников первичных: нумизматических, эпиграфических, папирусных, археологических. Историографический обзор охватывает 150-летний период, начиная с книги Ж. Греппо (Париж, 1842) о поездках Адриана по империи. Как важные вехи отмечены исследование Г. Дессау (1889 г.) о пердегагирвке НА со времени Диоклетиана и Константина на конец IV в. и монография В. Вебера (1907 г.), в которой впервые в большом объеме были задействованы материалы надписей, папирусов и монет. При том, что изучение отдельных сторон деятельности Адриана активно велось в течение всего XX в., последней обобщающей работой, претендующей на статус научной биографии, до сего дня оставалась вышеупомянутая книга Б. Гендерсона (1923 г.); другие работы, несущие в заглавии имя Адриана, не могут, полагает Э. Берли, считаться самостоятельными исследованиями.

В первой главе книги «Детство в Риме Флавиев» прослежена родословная будущего императора от далеких предков из рода Элиев, поселившихся в основанной Сципионом на территории Испании римской колонии Италика (206 г. до н.э.), позднее муниципии. Адриан родился 24 января 76 г., скорее в Риме, чем в Италике, в доме сенатора Элия Адриана Афра, там же и воспитывался. Конкретных сведений о детстве Адриана очень мало, и Берли заполняет вакуум событиями правления Веспасиана, Тита и особенно Домициана (81–96). После смерти отца (85 или начало 86 г.) Адриан переходит под опеку двоюродного дяди по отцу, будущего императора Марка Ульпия Траяна и всадника Публия Ацилия Аттиана. «Возвращение» Адриана в 90 г. на свою формальную родину в Италику связано, вероятно, с получением им мужской тоги (на год – два раньше обычного). Во время краткого – менее года – пребывания в Италике (III глава «Родовое имя») Адриан предавался охотничьим забавам и получил первый опыт военной службы в местной милиции. И здесь Берли дополняет сведениями о провинциальной жизни небогатое биографическими фактами повествование. Вскоре Траян увез своего племянника в Рим, где Траяну была назначена должность ординарного консула на новый 91 г.

Новому периоду жизни посвящена III глава «Военный трибун». После завершения образования в риторской школе перед Адрианом открывалась перспектива государственной карьеры. Здесь присутствовала и этическая сторона: служить или нет «тирану», т.е. Домициану. Берли считает, что Адриан, как до него Траян, выбрал стоический путь Юлия Агриколы (героя Тацитова жизнеописания), путь «послушания и умеренности». Следуя этому выбору, Адриан пошел по ступеням публичной карьеры для будущих сенаторов, занимая последовательно должности: децемвира для разрешения судебных споров в «коллегии двадцати»; городского префекта Латинских празднеств; севира всаднической процессии – все в течение 94 г.; военного трибуна-латиклава во II легионе (Adiutrix); с лета 96 г. – трибуна-латиклава в V Македонском легионе. Служба в армии дала Адриану не только знание военного дела: она избавила его от возможных репрессий со стороны находящегося в столице Домициана.

После убийства Домициана (18 сентября 96 г.), принципат, по словам Тацита (Agr. 3), соединился со свободой. IV глава «Принципат и свобода» повествует о правлении Нервы (96–98) и первых годах правления Траяна (98–105) до начала второй войны с даками. На фоне событий общегосударственного значения прослеживается дальнейший – не всегда безоблачный – путь Адриана по лестнице власти уже как ближайшего родственника и возможного преемни-

ка бездетного Траяна: третий по счету военный трибунал в XXII Первородном (Primigenia) легионе на германской границе; квестура – первая сенаторская должность (декабрь 100 г.); женитьба на племяннице Траяна Сабине; членство в «коллегии семи»; должность куратора сенатских протоколов; плебейский трибунал (по мнению Берли, полученный скорее в 102, чем в 105 г.); претура (105 г.).

Продолжение военной карьеры рассмотрено в главе V «Молодой генерал». Адриан отличился во второй кампании против Децебала в 105–106 гг., будучи командиром (легатом) I легиона Минервы, затем управлял императорской провинцией Нижняя Паннония (106–109), где ему пришлось усмирять сарматов-языгов. Пост наместника, ответственного за назначение на ряд должностей, прежде всего военных, позволил Адриану расширить круг своих сторонников, и добиться в 32 года (на 10 лет раньше обычного) номинально высшей магистратуры консула – пока не ординарного, а суффекта (108 г.). Спустя год-два после наместничества Адриан предпринял поездку в притягательнейшие для «филэллина» Афины. Пребыванию в Греции (111–112 гг.) посвящена VI глава «Архонт в Афинах». Берли дает характеристики «друзьям» Адриана, входившим в его свиту и возможным партнерам его интеллектуальных бесед: философу Эпиктету, его ученику Флавию Арриану, Сосию Синеклиону, «царю» Филопappу (внуку последнего коммагенского царя Антиоха IV), Евриклу Геркулану (все трое – персонажи произведений Плутарха) и др. Ответные симпатии афинян выразились в предоставлении Адриану гражданства по дему Беса (дем Филопappa) и избрании его архонтом-эпонимом на 111 (или 112) г.

Описанию восточного похода Траяна (113/4–117 гг.) отведена VII глава «Парфянская война». Используя сохранившиеся не слишком многочисленные для такого важного события источники, Берли восстанавливает в главных чертах ход военных операций. Как известно, крупные успехи на первом этапе войны были сведены на нет серией восстаний в тылу далеко продвинувшихся римских войск. Что касается Адриана, находившегося при штабе Траяна в ранге легата (возможно, *pro praetore*), то его роль вырисовывается недостаточно ясно. Лишь в конце войны (в 116 или 117 г.) он занял действительно важный пост наместника Сирии и был назначен ординарным консулом на будущий 118 г. Главный же вопрос – о преемнике – Траян откладывал до последнего.

Все-таки преемником стал именно Адриан. 9 августа 117 г. он получил письмо об усыновлении его Траяном, а 11 августа – о смерти «отца». Первым шагом Адриана-императора посвящена VIII глава «Новый правитель». В непростом для Адриана положении (факт усыновления оспаривался оппозицией) успех обеспечили поддержка восточной армии и быстрая легитимизация власти сенатом. Новый правитель сразу же продемонстрировал смену приоритетов во внешней политике, заключив мир с Парфией и отведя войска за Евфрат. Внутри империи Адриану пришлось подавлять вспыхнувшие еще при Траяне волнения в Египте, Кирене, Иудее, на Кипре, в Мавритании, Британии. Обратный путь Адриана в Рим пролегал через Малую Азию и дунайскую границу, где он сделал ряд уступок (в том числе территориальных) сарматским племенам роксоланов и языгов. Оппозиция тем временем была обезглавлена убийством без суда и следствия четверых консуляров (Нигрин, Пальма, Цельз и Квиет). Обвинения в убийстве преследовали Адриана всю жизнь, хотя по официальной версии ответственность нес префект претория Аттиан, вскоре снятый со своего поста.

IX глава «Возвращение в Рим» охватывает период с лета 118 по весну 121 г., в основном посвященный примирению императора с обществом. Плебс был успокоен щедрыми дарами и зрелищами, сенат – обязательством Адриана впредь не казнить сенаторов без согласия самого сената, провинции – налоговой амнистией. Линия поведения, выбранная им, в целом соответствовала имиджу «цивильного принцепса», каким запомнился первый император Август. Тревожная в начале правления обстановка постепенно стабилизировалась как в центре, так и на окраинах, и Адриан приступил к реализации обширной строительной программы в столице (храм Ромы и Венеры и др.). Тогда же формулируется идеология нового царствования: на монетах 121 г. уже появляется легенда *Saec[ulum] aur[eum]* – «Золотой век».

Три года (118–121 гг.), безвыездно проведенные в Италии, не типичны для Адриана. С 121 г. (по-видимому, с весны) он начинает серию поездок по провинциям своей обширной державы. Длительные отлучки первого лица империи не сказывались на стабильности режима, поскольку ситуацию в Риме надежно контролировали его сторонники, занимавшие ключевые посты префектов претория, города и т.д. В главе X «На германскую границу» повествуется о турне Адриана по Галлии и другим областям, примыкающим к германским рубежам. В ходе инспекции определялись контуры новой большой стратегии императора, смысл которой заключался в отказе от старой идеи «империи без границ» (*imperium sine fine*) и в создании ис-

куственного барьера (лимеса), отделяющего Рим от варваров. Новая программа требовала соответствующих преобразований в армии, боеспособность которой в мирной обстановке поддерживалась периодически проводимыми учениями и личным контролем со стороны императора, подражавшего в этом полководцам республиканского времени (Сципиону Эмилиану, Метеллу) и своему предшественнику Траяну.

Две следующие главы посвящены теме поездок Адриана по западным провинциям. В XI главе «Адрианов вал» речь идет о посещении Британии в 122 г.⁶ Для защиты от северных варваров строились вал Адриана к югу от нынешней Шотландии и серия фортов вдоль западного берега острова; с той же целью на помощь IX Испанскому легиону (Берли не принимает версию о полном его уничтожении в ходе восстания британских племен 119–120 гг.) был передвинут VI Победоносный легион и другие контингенты из Испании и Верхней Германии. В Британии же Адриану пришлось наводить порядок в своем ближайшем окружении, когда из-за «фамиллярного» поведения по отношению к императрице Сабине лишены постов префект претория Септиций Клар и секретарь (*ab epistulis*) Светоний. В главе XII «Новый Август» (по монете этого периода с легендой «Адриан Август») рассказывается о возвращении Адриана в 123 г. на материк – через Галлию в Испанию, на съезд представителей испанских общин в Тарраконе, решавший вопросы дополнительного набора в армию. Реакция собрания была в целом отрицательной, тем не менее Адриан, как сообщает биограф (НА Ндрг. 12.4), смог найти какой-то приемлемый компромисс. Дальнейший его путь лежал на юг, с возможным заходом в Мавретанию, где он «подавил» очередное выступление берберов.

123 год (его события плохо документированы) ознаменован серьезным поворотом во внутренней политике Адриана: он закончил инспекционные разъезды по западным провинциям и переключил внимание на Восток. Глава XIII так и названа – «Возвращение на Восток». Побудительной причиной был конфликт с парфянами, потребовавший личного вмешательства. После успешных в целом мирных переговоров с парфянским царем (скорее Хосроем, чем Вологазом) Адриан продолжил объезд восточных границ, встретился с местными династиями, побывал в Армении, и проплыл вдоль черноморского побережья до Трапезунда. В дальнейшем он посетил Вифинию, где встретил объект своего увлечения, юношу Антиноя, летом 124 г. побывал во Фракии, затем вновь вернулся в Малую Азию. Описание объезда Адрианом малоазиатских городов (Кизик, Пергам, Смирна, Эфес), сопровождавшегося активной строительной деятельностью, изложено в главе XIV «Лето в Азии». Помимо античных источников Берли привлекает (проявляя необходимую осторожность) свидетельства трактата Полемона «О физиогномике» в арабской версии. С осени 124 г. по конец мая 125 г. Адриан находился в Греции (глава XV «Год в Греции»). После сюжета с принятием посвящения в обоих мистериях («малых» в Аграх и «больших» в Элевсине), внимание фокусируется на маршруте поездок императора. Берли устанавливает такую их последовательность: Афины, Пелопоннес, в марте 125 г. – возвращение в Афины, затем через Беотию (Феспии, Геликон) и Фокиду (Дельфы), поездка на эпирское побережье к порту Диррахий. Много места уделено образу жизни Адриана (охота, культурные развлечения, Антиной), а также начальным стадиям осуществления программы «возрождения Эллады»: реформе афинского политического строя (не имевшей реального значения), льготам для греческих городов, возобновлению строительства в Афинах заложеного еще Писистратом храма Зевса Олимпийского (Олимпейона) и других объектов.

Летом 125 г. Адриан морем возвращается в Италию, где задерживается почти на три года (XVI глава «*Patet Patriae*»). Берли освещает ход строительства Пантеона, храма Ромы и Венеры, императорской виллы в Тибуре, дает характеристику салонной жизни Рима того времени с участием известных художников, писателей и философов. Результатом пятимесячной (март–июль 127 г.) поездки императора по Северной Италии стала реформа ее управления, разделившая полуостров на четыре региона с консульскими легатами во главе. В следующем 128 г. Адриан принимает (как и Август, сравнительно поздно, после предыдущих двукратных отклонений) титул «отца отечества».

Африка не пользовалась особым вниманием римских императоров, до того ее не посещавших. Адриан прервал эту традицию (XVII глава «Африка»). Визит занял несколько в основном летних месяцев; он посетил Карфаген, Утику, ряд других городов, даровав некоторым из них права колоний и муниципиев; видимо, тогда же был издан «закон Адриана» о правах арендаторов-колонов в императорских поместьях. Его также занимали вопросы военные, а именно – обследование африканского лимеса в Нумидии (*fossatum Africae*), защищавшего урбани-

⁶ Римской Британии Э. Берли посвятил специальную монографию: *Birley A. The People of Roman Britain*. Berkeley – Los Angeles, 1980.

зированную часть провинции от набегов берберов с юга. Берли комментирует текст известной надписи из Ламбеза с речью Адриана к войску (III Августовому легиону и вспомогательным частям) по поводу состоявшихся там маневров; при этом он достаточно высоко оценивает результаты усилий императора по поддержанию боеготовности войск. Возвращение в Рим означало лишь недолгую передышку: уже в сентябре Адриан вновь отправляется на Восток.

События второй большой поездки на Восток излагаются в трех последующих главах. Название XVIII главы «Адриан Олимпиец» напоминает о ретроспективности мышления императора: приняв титул «Олимпиец», Адриан претендовал на имидж не только «нового Августа», но и «нового Перикла», носившего то же прозвище. В первые месяцы император был занят реализацией программы возрождения Греции, центральным пунктом которой стало формирование Панэлления – союза всех городов, имевших греческое происхождение, а одним из побудительных мотивов было знакомство с подобной же программой Перикла (Plut. Per. 17). После Греции Адриан посетил Малую Азию, вторично (в 129 г.) созвал (в Мелитене или Самосате) съезд мелких восточных правителей, известный демаршем не явившихся на него царей иберов (Фарасман II) и албанов. В Сирии он проводил протекционистскую политику, а в Иудее подражал эллинизаторской политике Антиоха IV Селевкида (Эпифана), что выразилось в закладке римской колонии Элии Капитолины (130 г.) на месте разрушенного Титом Иерусалима. Посетив Аравию, Адриан через Газу и Пелузий прибыл в Египет.

Египет для биографов Адриана – место гибели его любимца Антиноя. Отсюда и название XIX главы – «Смерть в Ниле». В ходе египетского турне император посетил Александрию, Каноп, Навкратис, Гелиополь, возможно Мемфис, Гермополь, где утонул Антиной, Фивы, Филея, колосс Мемнона. Основное внимание в главе, естественно, уделено Антиною и возможным мотивам его смерти. Из двух версий: случайная смерть и самопожертвование ради Адриана Берли – при всех оговорках о гипотетичности любых выводов – все же склонен допускать мистический суицид. Антиной был обожествлен как Осирис, его имя получил новый греко-египетский город Антинополь. Весной 131 г. император оставил Египет и отправился морским путем на север, в Сирию и далее – в Киликию.

В главе XX «Афины и Иерусалим» фактически подводятся итоги политики эллинизации в двух регионах: малоазийско-балканском и в Иудее. В новую поездку Адриан посетил ряд областей Малой Азии, а зиму 131/132 г. провел в своих любимых Афинах. При некоторой искусственности политики «эллинского возрождения» император все же мог сказать, что в этой части империи филэллинизм принес свои плоды. Иной результат был в Иудее, где в 132–135 гг. вспыхнуло мощное восстание Шимона, или Бар-Кохбы («Сын Звезды»), против дискриминационных мер в отношении иудеев (основание Элии Капитолины, запрет обрезания). Выступление было подавлено лучшим полководцем империи, Юлием Севером; сам Адриан находился на театре военных действий, хотя не до конца. Дальнейшие шаги – запрет иудеям селиться в черте Иерусалима, переименование (уже после смерти Адриана) провинции из Иудеи в Сирию Палестину – поставили под сомнение всю его эллинизирующую политику и побудили Берли закончить главу знаменитым вопросом Тертуллиана (De praescr. 7.9: Quid ergo Athenis et Hierosolymis?): «Что общего у Афин с Иерусалимом?» и ответить вопросом же: «А что у Иерусалима общего с Афинами?» (с. 278)⁷.

Последним годом Адриана (134–138 гг.), проведенным в Италии, в Риме и Тибуре, посвящена XXI глава под характерным названием «Горький конец». Проблемы со здоровьем побуждали его всерьез задуматься о наследнике. Выбор пал на Л. Цейония Коммода (Элия Цезаря в усыновлении), а после скоропостижной его смерти (1 января 138 г.) – на Антонина (будущего Пия). На деле, как думает Берли, настоящим выбором Адриана был 15-летний Марк Анний Вер (будущий Марк Аврелий), которого по условиям соглашения должны были усыновить последовательно оба цезаря. В конце жизни подозрительность страдающего от болезни Адриана возросла, и он расправился с некоторыми близкими ему людьми (в том числе с престарелым зятем Сервианом), обвиненными в заговоре. Адриан сам подвел итоги своего правления в автобиографии, материалами которой смогли воспользоваться другие. Последние дни императора были мучительны, умер он, ненавидимый почти всеми, 10 июня 138 г.

В «Эпilogue» Берли резюмирует результаты своего исследования. Подлинный Адриан остается загадкой: современники оставили мало воспоминаний о нем, сам император лишь слегка приоткрыл дверь в свой внутренний мир в предсмертном стихотворении «Душа, скиталица вечная...». Он обладал крайне противоречивым характером, в религиозном и нравственном отношении, несмотря на увлечения мистериями, был скорее скептик, а то и эпикуреец. Что

⁷ «What has Athens to do with Jerusalem?» ... «What has Jerusalem to do with Athens?».

касается оценок его правления, то значение военных и административных реформ, по мнению Берли, преувеличено, так же как достижения в области законодательства. Относительно большее значение имели радикальный поворот к мирной внешней политике, укрепление границ, расширение римского гражданства. Политика эллинизации, при ее внешней привлекательности, не сыграла особо важной роли, а в Иудее прямо провалилась. В общем именно провинциальная политика, частые разъезды по империи сделали Адриана самым доступным, самым узнаваемым для населения правителем во всей римской истории.

Оценку любой книги принято давать с учетом тех задач, которые ставил перед собой автор. Берли писал не историю эпохи, а биографию «непоседливого императора». Что мы вправе ожидать от историко-биографической книги?

Первое требование – полнота охвата материала, прежде всего – источников. В этом отношении автору удалось сделать очень много, и обработанный массив литературных, эпиграфических, папирусных, нумизматических, вещественных источников по-настоящему впечатляет. Но резервы для пополнения источниковой базы, думаю, остались. Если уж используется малодостоверная в основе запись на арабском языке трактата Полемона «О физиогномике», то почему нет хронологически более близкого Моисея Хоренского, в соответствующих разделах «Истории» которого можно найти информацию (а ее, по словам Берли, так недостает) о присутствии Адриана в Иудее во время восстания и о его болезни⁸? Или Сивиллиных книг с пророчествами об Адриане? То же можно сказать о литературе. При общем высоком уровне начитанности автора встречаются и пробелы. Ну, ладно, *Rossica non leguntur*, а чем объяснить игнорирование – даже в библиографии – известных работ Э. Ренана и Д. Лауэнштайна⁹?

Затем, точность. В книге очень много дат, имен, событий. Неточности, даже ошибки – вероятно, хотя грубых я не обнаружил. Однако по многим вопросам (датировки поездок Адриана, посвящений в Элевсине, детали биографий спутников и современников Адриана и т.д.) существуют различные мнения. Например, пребывание Флавия Арриана у Дарьяла («Каспийских ворот»: *Ioan. Lud. De mag. 3.53.1*) Берли приурочивает к 114–115 гг., тогда как более вероятно дата 135 г. Понятно, что невозможно учесть всю историографию. Но в таком случае хотелось бы знать пределы возможных допущений. Вообще Берли редко фиксирует внимание на альтернативных точках зрения (и то, как правило, в примечаниях). Это уже вопрос метода и принципов подачи материала.

Еще один момент. Книга фактографична в хорошем смысле слова, но более широкий взгляд на вещи с учетом исторической перспективы ей бы не повредил. Читатель лучше поймет, скажем, значение идеи Адриана закрыть границы, если будет иметь представление о том, к чему в итоге привела такая политика. И поскольку книга – о личности в истории, желательно было бы знать мнение автора об основных тенденциях развития личности эпохи принципата. В отечественной литературе на эту тему немало писал Г.С. Кнабе, чьими работами я воспользовался, чтобы разобраться в возможных мотивах поступков того же императорского секретаря Светония, известного биографа «двенадцати цезарей»¹⁰.

Уже появляются новые работы, уточняющие и дополняющие биографию Адриана. Вышло важное для выяснения структуры Панэлления исследование Тиатирского (город в Малой Азии) декрета в честь Адриана¹¹. В очередной статье о восстании Бар-Кохбы приводятся доказательства того, что Адриан во второй раз был провозглашен императором не во второй половине 135 г., как думал и Берли (с. 275), а в 136 г.¹² «Беспокойного императора» продолжают изучать, и важнейшим пособием в этом на многие годы вперед станет монография Э. Берли.

С. М. Перевалов

⁸ Кривов М.В. «Церковная история» Евсевия Кесарийского как источник Мовсеса Хоренаци // ВВ. 2000. 59 (84). С. 112 сл.

⁹ Ренан Э. Христианская церковь. Царствование Адриана и Антонина Благочестивого. 117–161 гг. М., 1991; Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996.

¹⁰ См. о типе людей, подобных Светонию и сторонящихся государственной карьере: Кнабе Г.С. Личность и индивидуальность // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 188 сл.

¹¹ Follet S., Peppas Delmouso D. Le décret de Thyatire sur les bienfaits d'Hadrien et le «Panthéon» d'Hadrien à Athènes // ВСН. 1997. 121. Р. 291–309.

¹² Eck W. The Bar Kokhba Revolt: The Roman Point of View // JRS. 1999. 89. Р. 87–88. Берли (с. 359: Addendum. 2) имел предварительную информацию от В. Эка.